

Елена Алексеевна Нефедова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Москва

eanefedova@gmail.com

ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в дискурсе языковой (диалектной) личности

Реферат: Жизнь и смерть – универсальные категории человеческого сознания и культуры, однако комплекс представлений, связанных с ними, этноспецифичен. В рамках культуры этноса эти категории также не абсолютно тождественны. В статье на материале говоров русского Севера рассматриваются представления языковой личности о жизни и смерти, отраженные в ее суждениях и высказываниях.

Ключевые слова: диалект, идиолект, языковая личность

Abstract: Life and death in the discourse of linguistic (sub-dialectal) personality. While life and death are universal categories of human cognition and culture, the set of images associated with it is affected by ethnicity. These categories are not always identical and may vary from one ethnic culture to another. This article presents the images of linguistic personalities related to life and death as reflected in the opinions of speakers of the sub-dialects of northern Russia.

Keywords: sub-dialect, idiolect, linguistic personality

Вильгельм Гумбольдт, рассуждая об объекте языкознания, отмечал, что антропологический подход к языку требует «толковать характер и строение отдельного языка, опираясь на природу «человека говорящего» вообще» (Гумбольдт 1984, 311), выяснять, «как всеобщий человеческий язык проявляется в языке различных наций» (Гумбольдт 1985, 382), как любой язык приобретает «способность служить орудием для разнообразнейших индивидуальностей» (Гумбольдт 1984, 165).

Триединство общего, особенного и отдельного, сосредоточенное в речи каждого человека, при обращении к диалектному материалу может быть рассмотрено в аспекте соотношения диалектного языка как полисистемы с общими и различительными признаками, отдельного говора (моносистемы, частной диалектной системы) и идиолекта (идиосистемы). Соотношение общего и особенного в речи носителя диалекта координируется, прежде всего, правилами территориального распределения различий между моносистемами (иначе говоря, говорящий употребляет в речи только те языковые средства, которые присущи данному говору, функционируют на данной территории), тогда как в соотношении особенного и отдельного ведущую роль играют иные факторы. В распоряжении носителя

идиолекта имеются все языковые средства его родного диалекта, но их использование диктуется индивидуальными особенностями личности, связанными с картиной мира, с ценностной ориентацией, целями и установками, а также особенностями психологического характера: с типом языковой личности, экстравертной или интравертной, креативной или довольствующейся диалектным стандартом.

Содержание текстов, записанных в конкретном говоре, а также лексический состав говора, отраженный в словарной картотеке, в определенной степени определяются кругом информантов, от которых произведены записи. Это может объясняться как наличием в лексиконе информантов слов, предпочтительных для какой-либо узко ограниченной группы лиц, так и различиями в самом репертуаре тем и событий, наиболее близких информанту. Полевым диалектологам знакомы различия информантов с точки зрения их пристрастия к той или иной тематике: для одних „любимой” темой являются воспоминания о молодости, о прошлой жизни в ее праздничном, обрядовом проявлении, другие, наоборот, чаще вспоминают и рассказывают о тяготах прошлой жизни, третьи любят обсуждать текущие события, соседей, семейные взаимоотношения и т.п. Итак, первое, на что следует обратить внимание - это различия носителей говора в репертуаре «любимых» тем и речевых событий.

Следующий момент, различающий носителей говора – это степень языковой инициативы, склонность к рефлексии над языком, к словотворчеству, к языковой игре. Устная форма владения, пользования языком создает условия, в которых личностное начало говорящего, его индивидуальные речевые особенности проявляются наиболее ярко. Исследователи отмечают возможность речевого обособления коллективов говорящих и индивидуальных носителей языка¹, которое проявляется, в частности, в нестандартном употреблении узуальных слов, в намеренной модификации их формы и смысла, в элементах языковой игры.

Индивидуальность языковой личности (ЯЛ), особенности ее владения языком ярче всего проявляются в прагматике, и, в частности, в прагматически ориентированной части лексикона, в особенностях выбора экспрессивно окрашенных лексических средств, в характере словотворчества. Своеобразие ЯЛ, ее «отдельность» устанавливается на общезыковом фоне социума, в сравнении с говором, носителем которого она является.

Высказанные выше соображения были положены в основу «Экспрессивного словаря диалектной личности» (ЭСДЛ) (Нефедова 2001). Объектом лексикографического описания явилась речь представительницы местного говора, коренной жительницы д. Судрома Вельского района Архангельской области *Александры Ивановны Пономаревой*, 1925 года рождения, неграмотной. Всю жизнь, до пенсии, А.И. Пономарёва проработала в колхозе. К моменту нашего знакомства она проживала одна, похоронив мужа и сына, погибшего в результате несчастного случая. Два других сына и дочь живут отдельно, своими семьями. Пономарёва обладает некоторыми знаниями ворожеи и народной целительницы, которые иногда применяет на практике. Подобная социальная роль традиционно предполагает

¹ В синхронном плане вариантность дает языку индивидуализацию, по особенностям речи опознаются группы людей, вплоть до отдельного человека (Гак 1998, 370).

особое, уважительное отношение к ней со стороны односельчан. Однако в контексте современных социальных отношений обладание сакральными знаниями входит в противоречие с такими индивидуальными особенностями изучаемой ЯЛ, как словоохотливость, склонность к обсуждению житейских коллизий и выражению своего, чаще негативного, отношения к ним. Перевес этих качеств в формировании отношения социума отражает деревенское прозвище А.И. Пономаревой – *балаболка*.

Для А.И. Пономаревой характерна ярко выраженная ориентация на эмоционально-оценочное восприятие действительности в ее событийно-бытовом и морально-этическом проявлении. Преобладание чувственно-образной и эмоциональной реакции на окружающую действительность над ее рациональным восприятием ярко проявляется в речи языковой личности.

Названные психологические особенности А.И. Пономаревой находят свое проявление в характере ее идиолекта. В ЭСДЛ это отражается, в частности, в количественном соотношении стилистических помет: 773 слова с пометой *образн.*, 287 – с пометой *интенс.*, 187 слов с пометой положительной оценки (*одобр.*, *ласк.*) и 305 слов с пометой отрицательной оценки (*неодобр.*, *пориц.* и др.). Около 350 словарных единиц получили помету *инд.* Основанием для этого послужило сопоставление с картотекой АОС, собранной за 55 лет полевой экспедиционной работы и содержащей более 4 млн. словоупотреблений. Широко представлено сочетание этих помет в разных вариантах, свидетельствующее о совмещении экспрессивных сем в семантике слова. Статистика говорит сама за себя.

Известно, что индивидуальное своеобразие языковой картины мира носителя диалекта связано с зонами его «особого внимания» (Гольдин, Сдобнова 2002, 27), с мирами, «к которым говорящие вновь и вновь возвращаются в коммуникации...». Возвращаясь к сюжетам, наиболее им «переживаемым», говорящий реализует это в «продолженных текстовых образованиях», архитектоника и лексическое наполнение которых также отражает его видение мира (Гольдин 2001, 66).

Описание нескольких «зон особого внимания» ЯЛ имеется в (Нефедова 2008).

В статье речь пойдет о представлениях ЯЛ о жизни и смерти, отраженных в ее суждениях и высказываниях. Это универсальные категории человеческого сознания и культуры, однако комплекс представлений, связанных с ними, этноспецифичен. В рамках культуры этноса эти категории также не абсолютно тождественны (Коконова 2006, Нефедова 2008).

Лексическое наполнение семантической зоны *жизнь* в архангельских говорах представлено в схеме № 1. Словообразовательное гнездо глагола *жить* сконструировано на уровне полисистемы, стрелками показаны ступени словообразовательной деривации. Курсивом выделены единицы, отмеченные в говоре д. Судрома Вельского района, носителем которого является ЯЛ, полужирным курсивом – единицы, отмеченные в речи ЯЛ. В диалекте и идиолекте отсутствуют слова с корнем *жир-*, что определяется территориальными различиями архангельских говоров. Другие купюры в лексиконе ЯЛ – результат действия функциональных факторов (Нефедова 2008).

Пребывание в живых, жизнь в речи ЯЛ представлено как состояние и процесс:

- Не голодуй, только живи да учишь;
- Слезами выревлю – мне уш не жить;
- Я пока во живности, свекрѳка укорила – моим окутываэцца.

В высказываниях типа: *Потом она сѳ врожьила: жывѳой ли нѳт, хоть окажьсь; Иа восьмаѳа от рѳду одна жывѳаѳа* употребление полной формы прилагательного в соответствии с литературной краткой формой содержит и различия семантического характера. В литературном языке *Она жыва* прочитывается как *Она не умерла*. В диалекте утверждению *Она жывѳаѳа* соответствует не соотносительность со смертью, а утверждение о нахождении кого-н. среди живых.

Время, срок жизни – это *вся жизнь, весь век, век свой*: *Фсю жьсь ишѳцила, вѳть ишѳк былѳа; Она росѳтѳнеѳа, она фсю жьсь ѳйкат; На фсю жьсь ѳта пѳмѳть – в Петрѳф день бѳэт дѳш и пѳсле Петрѳфѳа дня дѳш; Вѳк проломѳла лѳшѳго* (проработала); *Она уш вѳк свой врѳт*. В высказывании *А мнѳго нарѳду прѳмерло вѳзыле моѳу жьсь* (буквальное прочтение – ‘в период моей жизни’) осложнено пространственными ассоциациями, идущими от предлога *возле*. *Он тебѳе половѳну жьсьни ѳтнесѳт* – о том, кто своими поступками сокращает чужую жизнь.

Я тепѳрь пережьылѳа своѳѳ; Не реви ты, не реви, она вѳть ужьылѳа своѳѳ – в подобных высказываниях отражается представление о сроке жизни, предопределенном каждому, смирение перед неизбежностью смерти. Слишком долго проживший человек оказывается в тягость окружающим: *Богѳдѳельни нѳт, кудѳы девѳтѳа, как дѳлго зажьѳть; До смѳрти-то дѳжьыли, а тепѳрь кидѳй в рѳку; Изморѳят людѳѳей, кидѳлы в ѳто ѳзеро жьывѳѳем*. (В последнем примере содержится индивидуальное образование от общерусского корня – *жывѳѳем* ‘в живом состоянии’).

Процесс жизни осмысляется образно. Трудности жизни сопоставляются с кувирканием – *У менѳя не зажьывѳт* (не останется в живых) – *он немнѳшѳко поковырѳкаѳца и фсѳ*. *Скѳльѳко-нибѳть потянусь, пожьывѳу* – здесь содержится мотив длительности, протяженности жизни и одновременно намекается на ее тяжесть в старости. Однако, несмотря на все тяжести, жизнь – это ценность, которой надо дорожить: *ѳто похѳбно ѳздѳят* (на мотоцикле), *круѳо, бѳльнѳ лихѳчат, жьсьзнью не дорожат*.

Условия жизни определяются как *жизнь дѳбрѳя, хорѳшѳя* или, наоборот, *худѳя*: *У ей-то худѳя жьсь от свекрѳфки; Еѳ жьсьѳть-то былѳа худѳя; Мы вѳть тепѳрь жьывѳем бѳбыльѳми; Не жьывѳт без рѳбѳты, ѳѳво-нибѳдь да кудѳисѳт* (делает).

Тяжести жизни, плохие условия определяются как *ломка*: *Дѳсѳть годѳф не вѳшѳла ѳз лесу, со скѳтѳиной водѳлѳся – в лѳмки жьѳлы*; *мука: Пожьывѳт, помѳѳѳѳца – фсѳ ѳзнѳѳет*; сопоставляются с жизнью собаки: *А жьсьѳь-то былѳа, бѳже, от собѳк не ѳтнѳл*. Жизнь – *пашня, поле, возделываемое трудом человека: Дѳбрѳ, и тѳк пожьывѳем, попѳшем*. Тот, кто не трудится, живет *на голѳдной трѳбке: А пожьывѳи на голѳдной-то трѳбке* (возможно, по связи с трубой печи, в которой ничего не варится); *До тѳкѳй жьсьзни дожьывѳу, шѳто и глѳс навѳворѳт* – в этом высказывании тяжести жизни гиперболически определяются через физическое состояние человека.

В дискурсе ЯЛ большое место занимают отношения в семейной жизни (см. об этом (Нефедова 2002). Семейная жизнь определяется как *любáя, следóвая* (такая, как ей следует быть) или, наоборот, как *неурáжная* (несчастливая): *Тепéрь у вáс сáмая следóвая жьíсь, сáмая любáя жьíсь; А фсё равнó у тебá жьíсь бóдет неурáжная*. Вмешательство в чужую семейную жизнь осуждается через образное представление в виде толчков, пихания: *А ёто фпрохóд (постоянно) в семéйну жьíсь толкáетця; Ёта нáша Нíна пехну́лася в ёхну жьíзьнь; В семейной жизни приходится поступать по кому-нибудь, то есть соответственно пожеланиям, требованиям близких людей: А она́ уж жьивёт по Кóле; Я жьиву́ по дётям; Он с тáнинных слóф, он жьивёт по женé.*

Представление о том, что жить нужно дома (возможно и более широкое осмысление этого понятия), отражено в высказываниях: *Жьивите дóма, никудá не шевелитесь; Не бóду з дóму сбивáтця, бóду ф своём дóме жьить, проситъ да ф свою хáту носитъ.*

Состояние смерти рассматривается как конец жизни: *Век изошóл; Не на дóлгой-от вék и рóс; Не на дóлг-от вék (о рано умершей); И ты́ моглá бы окончáця з жьíзьню. Он окончáлся до негó.*

Смерть отражена в дискурсе языковой личности в разных ее аспектах:

– естественная смерть – *Слáва бóгу, у меня́ мáма умерлá своим чередóм; На Свётлой недéле она́ умерлá, до Пáски; В кою пору-от умер; Когда́ умрёт покойник, хозяин дóму, вáлят в большóй у́гол;*

– быстрая смерть – *И кáк она́ круто (быстро) умерлá; На той же минуты умру́; Парализовáло прáвый бóк, и срáзу намáх умерлá; Укóл зделали не по ёй – умерлá;*

– смерть как результат долгой болезни – *Просты́неш – залеж́иш, умрёш;*

– преждевременная, неестественная смерть – *Молоды́ как мереть бóдут; Не на дóлог-от вék (рано умер).*

Смерть образно осмысляется как уход – *Скóро и самá в гробовые уйдёш;*

– отсутствие – *Онí фсё тепéрь изни́цились (то есть, их нет): котóрые умерли́, котóрые уéхали, котóрые болéют;*

– поворот, переворот – *Думáла, я ево́ первое сверну́сь; Мóжэт, я скóро сверну́сь; А он вíдиши как сверну́лсе; Сáшка ить не на ту стáть был, никак не подумáеши – ф трé мёсяца переверну́ло мужькá;*

– крушение – *Ёто сáма большáя стенá в домú упáла – муш умер;*

– сон – *Бóде кáк ёсли не умрёт, она́ кáк уснёт;*

– борьба – *Одín рас собирáлась (умирать) да отлегáлась (поборола смерть);*

С другой стороны некоторые состояния человека описываются как смерть:

– ‘сон – смерть’ – *Она́ самá тут со мнóю водíлася (занималась уходом за кем-н.), я усну́ла кáк умерлá;*

– ‘голод – смерть’ – *Не бóдем мреть-то (без еды), бóдем жьить; Хвáтит, навёрно, мереть-то (сидеть голодному) бédненькому; Умирать неохóта, охóта цё-то поесь;*

– ‘болезнь, плохое самочувствие – смерть’ – *Тудá приéхала, я заколевлá уши; Потóм приду́ в бáню и заумираю́.*

Размышления, суждения о жизни и смерти естественны для любого человека, и в дискурсе ЯЛ они также занимают значительное место. «Особость», индиви-

дуальность ЯЛ заключается в склонности к их образному осмыслению, к философским обобщениям, основанным на собственном жизненном опыте: *Фсэ жывьыйе, фсэ шэвэляца, фсэм надо йисъти. Век-от долог и горек, в одном стремене не прожывеши. Это жить не поле бежать.* Следует отметить некое смирение с тем, как складывается человеческая жизнь, с ее предопределенностью: *Не живи, как думаи, а живи, как бох велит. Надо жыть, скроено, дак надо шить.*

Литература

- Гак В.Г. (1988), *Языковые преобразования*, Москва.
- Гольдин В.Е. (2001), *Развитие русской диалектной речи как особого типа речевой культуры // Русский язык: исторические судьбы и современность*, Международный конгресс. Труды и материалы, Москва, с. 55–56.
- Гумбольдт В. (1984), *Избранные труды по языкознанию*, Москва.
- Гумбольдт В. (1985), *Язык и философия культуры*, Москва.
- Коконова А. Б. (2006), *Представления о смерти в северной народной культуре // Актуальные проблемы русской диалектологии*, Тезисы докладов Международной конференции, Москва, с. 96–98.
- Нефедова Е.А. (2001), *Экспрессивный словарь диалектной личности*, Москва.
- Нефедова Е.А. (2002), *Лексика эмоций в речи языковой личности // Функциональная лингвистика*, Итоги и перспективы. Материалы конференции. Симферополь, с. 82–83.
- Нефедова Е.А. (2008), *Многозначность и синонимия в диалектном пространстве*, Москва.